

Глава 12: Шахматная доска, любящий отец и ход, сделанный издалека

В пять часов утра весь город всё ещё тонул в глубочайшем предрассветном мраке, и лишь далёкие уличные фонари источали одинокий жёлтый свет. В квартире семьи Хань налетел необычный сквозной ветер с пронзительным свистом, распахнув приоткрытую входную дверь и разбудив чутко спавшего Хань Цзэ.

Хань Цзэ резким движением вскочил с дивана — многолетняя служба в охране выработала у него почти интуитивную чуткость к любым изменениям в окружающей обстановке. Он почувствовал, как в воздухе затаился странный запах, напоминающий то ли оружейный порох, то ли ледяную стужу. Будучи обычным смертным, он не мог постичь природу этой энергии, однако она вызвала у него крайнее беспокойство.

— Тяньюнь!

Он даже не удосужился обуть тапочки и босиком в несколько широких шагов подскочил к двери в комнату дочери. Когда он распахнул её, открывшаяся картина заставила его мозг на мгновение погрузиться в абсолютную пустоту.

Розовые занавески безумно метались на холодном ветру, плотно закрытые алюминиевые окна оказались напрочь искорёжены, а закалённое стекло рассыпалось на бесчисленные мельчайшие крупички. Они устилали весь пол в комнате, напоминая в тусклом утреннем свете мертвенно-белую соляную равнину.

Хань Тяньюнь тихо сидела на краешке кровати, набросив на плечи лёгкую верхнюю одежду. В лучах рассвета её лицо казалось бледноватым, однако глаза, обычно такие мягкие, сейчас излучали невиданную доселе ясность, которая даже немного пугала Хань Цзэ. Рядом с ней загадочный юноша Цзю Сяньлин несколько неловко согнулся в три погибели, сжимая в руках старую метлу в попытке замести последствия погрома.

Взгляд Хань Цзэ упал на тыльную сторону ладони Цзю Сяньлина: там чернела длинная узкая рана, кожа у основания большого пальца лопнула, и запекавшаяся тёмно-красная кровь жутко выделялась на мертвенно-бледной коже.

— Пап, прости, что разбудила, — первой нарушила молчание Хань Тяньюнь. Голос её звучал ровно — настолько ровно, будто она вовсе не пережила только что смертельную опасность. — Вчера... у компрессора кондиционера, похоже, возникли неполадки, он внезапно взорвался. Сяньлин среагировал быстро и прикрыл меня.

Это была до крайности неуклюжая ложь, в которую не поверил бы даже младшеклассник.

Хань Цзэ молчал, не пытаясь допытываться до правды. Будучи старым охранником, он повидал бесчисленное множество мест пожаров, взрывов и стычек. Он смотрел на то, как были разбросаны осколки стекла — они разлетелись вовнутрь, словно их с невероятной силой

сокрушили снаружи невидимым тяжёлым молотом. Он смотрел на рану на руке Цзю Сяньлина — это был не аккуратный порез от стекла, а разрыв тканей после прямого столкновения с какой-то чудовищной силой.

Он смотрел на этих двоих детей. Один — его приёмная дочь, ставшая смыслом его жизни, другой — парень с туманным прошлым, который неизменно заслонял её собой в самые критические моменты.

Хань Цзэ ничего не сказал, сохраняя молчание, похожее на выветрившийся за долгие годы камень. Шаг за шагом стуча по хрустящим осколкам стекла, он медленно вошёл в комнату, силой вырвал метлу из рук Цзю Сяньлина, а затем произнёс низким, слегка охрипшим голосом:

— Иди вымой руки и обработай рану. Тяньюнь, сходи на кухню за аптечкой.

Этот завтрак в доме Хань прошёл в необычайной тишине.

Обычно Хань Цзэ неизменно травил какие-нибудь донельзя сухие байки из охранного агентства или ворчал на рост цен, но сегодня он лишь опустил голову и ложка за ложкой молча хлебал рисовую кашу.

Уже перед самым уходом, стоя в прихожей и застёгивая помятую форму, Хань Цзэ замер. Он резко обернулся, вперив налитые кровью, усталые, но несокрушимо твёрдые глаза прямо в Цзю Сяньлина. Опустив свою мозолистую лапищу, он тяжело придавил плечо юноши.

В тот миг Цзю Сяньлин ощутил тяжёлое, присущее смертным тепло.

— Малец, пусть я понятия не имею, во что вы там ввязались, и без понятия, кто вы такие на самом деле, — голос Хань Цзэ звучал тихо, но в нём сквозила непреклонная решимость. — Но запомни: чтобы защитить мою дочь, ты сперва должен сберечь себя. Если падёшь ты, кому защищать её от вещей, которых я не понимаю и не вижу?

Он вытащил из кармана пластырь, грубо лепил его на рану у большого пальца Цзю Сяньлина, а затем резко распахнул входную дверь и большими шагами вышел в залитый утренним светом город.

Цзю Сяньлин замер на месте, сжимая в руке маленький деревянный амулет, и долго не сдвигался с места. На Земле Бессмертных Десяти Тысяч Сект он был баловнем судьбы, окружённым богами, демонами и законами мироздания, и никто никогда не говорил ему, что жизни людей нуждаются во взаимной поддержке. В этом простом дяде-охраннике он впервые ощутил всю тяжесть понятия, именуемого ответственностью.

По дороге в детский сад Цзю Сяньлин не стал садиться на автобус. Вместо этого он привёл

Хань Тяньюнь на тихий, просторный травянистый берег реки далеко за пределами города.

Над гладью воды висела легкая дымка, далёкие небоскрёбы смутно вырисовывались в тумане, приобретая некую призрачность.

— Сестрёнка, вчерашнее происшествие — это только начало, — Цзю Сяньлин отбросил свой обычный легкомысленный вид молодого господина, его лицо стало торжественным и даже исполнилось характерного для мира бессмертных величия. — Путь культивации — это вовсе не банальные медитации и тренировки, как ты себе представляешь. Смертный, стремящийся к трансцендентности, должен пройти через восемь ступеней: Чувство Ци, Закрепление Духа, Консолидация Ядра, Просветление Духа, Погоня за Бессмертием, Освобождение от Бренности, Превращение в Бессмертного и Вознесение.

Он посмотрел на Хань Тяньюнь суровым тоном:

— Первый шаг, который тебе предстоит сделать прямо сейчас — это Чувство Ци. И дело здесь не только в улавливании духовной энергии неба и земли, но и в постижении самой сути этого мира. Закрой глаза, забудь про этот железобетон, забудь цвета и формы, что ты видишь, и ощути ритм, по которому живёт мироздание...

Цзю Сяньлин заранее приготовил целый ворох заумной теории и даже мысленно набросал план, как именно он станет направлять Хань Тяньюнь, если у неё ничего не выйдет.

Однако Хань Тяньюнь просто молча стояла на траве, и в то самое мгновение, когда речной ветерок коснулся её прядей, она послушно закрыла глаза.

Одна секунда.

Две секунды.

Прошло всего три секунды, как тело Хань Тяньюнь вдруг сильно задрожало.

В пространстве её сознания прохладная речная вода исчезла, умолк шум городского гана, и даже ощущение твёрдой почвы под ногами превратилось в нечто зыбкое.

Вместо этого перед ней возник мир, заставлявший её душу трепетать от ужаса.

То, что она увидела, вовсе не было похожим на туманную энергию пяти стихий, которую описывал Цзю Сяньлин. Перед ней предстали исходившие из самой небесной выси, протянувшиеся на миры и пересекающиеся золотые нити. Эти нити сплетали колоссальную сеть, укрывавшую небеса, опутывая весь город, каждую реку и судьбу каждого случайного прохожего.

Ещё больше её напугало то, что высотные здания, казавшиеся ей материальными, в точках пересечения этих золотых нитей являлись лишь тусклыми, полупрозрачными фантомами.

— Сяньлин... Я вижу вовсе не ци, — в голосе Хань Тяньюнь прорезались слезы, она вытянула руку и указала на абсолютно пустую, с точки зрения Цзю Сяньлин, пустоту. — Я вижу шахматную доску... Весь мир расчерчен на гигантской шахматной доске.

Зрачки Цзю Сяньлин сузились до предела, выражение его лица мгновенно переменялось, а дыхание перехватило.

Он изначально думал, что у Хань Тяньюнь просто потрясающий потенциал, и после усвоения техники Сводника Небесного Нефритового Тела она сможет чувствовать чистейшую врождённую ци. Но он никак не ожидал, что талант Хань Тяньюнь как Сердца Массива окажется пугающим до такой степени. Она миновала иллюзии чувств и напрямую узрела Небесную шахматную партию, сокрытую за мириадами вещей и сплетённую его отцом — Небесным Императором Хуан Тао.

Это была фундаментальная логика всего смертного мира.

— Ты... ты видишь сделанные ходы? — голос Цзю Сяньлин звучал сухо. Впервые в жизни он осознал, что стоящая перед ним женщина, возможно, несёт на себе судьбу гораздо более тяжёлую, чем он мог вообразить.

— Вижу, — Хань Тяньюнь резко открыла глаза. Лицо её побелело как бумага, а на лбу выступили мелкие капли холодного пота. — Буквально мгновение назад чёрная фигура, источающая смрад смерти, опустилась в сторону Су Бая. А ты...

Она посмотрела на Цзю Сяньлин, и в её глазах читались тревога и щемящая жалость:

— Сяньлин, ты тоже всего лишь пешка. Но среди этих бесчисленных фигур ты — единственная на моих глазах, кто отчаянно бьется, пытаешься вырваться за пределы клетки.

Цзю Сяньлин умолк. Глядя на речную гладь, он чувствовал, как в его сердце бушуют гигантские волны. Наконец он понял, зачем отец сбросил его сюда и почему выбор пал именно на Хань Тяньюнь.

Так вот что значит Сердце Массива...

В то же самое время на Земле Бессмертных Десяти Тысяч Сект, в Дворце Пурпурных Небес...

В этом парящем высоко над девятью небесами божественном чертоге не было смены дня и ночи — лишь вечные созвездия кружились в глубокой бездне космоса. Вокруг стояла такая тишина, что казалось, можно расслышать шуршание потоков самих космических законов.

Небесный Император Хуан Тао в чёрно-золотой драконьей робе излучал величие, подобное точке отсчёта и концу всей вселенной. Он всё так же восседал на высоком, уходящем в облака имперском троне, а перед ним парила незаконченная партия, сотканная из звёздного света и хаоса.

Напротив него сидел седовласый старец в грубых конопляных одеждах, от которого исходила глубокая, неизмеримая аура. Старец перебирал в пальцах белую фишку — это был тот самый дядя Ухэнь, о котором упоминал Цзю Сяньлин.

— Ваше Величество, этот мальчишка передал ей Сводник Небесного Нефритового Тела. Этого не было в изначальном плане, — легко улыбнувшись, старец Ухэнь опустил белую фишку, отчего по доске побежала рябь звёздного света.

Император медленно опустил пронзающий вечности и времена взгляд, устремляя его на миниатюрную область в центре доски, символизирующую Смертный мир. Прежде там царил мрачный, мёртвый покой, но в эту секунду из-за пробуждения Хань Тяньюнь в точке, соответствующей Сердцу Массива, вспыхнул слабый, но удивительно стойкий зеленоватый свет.

Этот свет переписывал заранее заданный маршрут.

— Она изначально была Сердцем Массива, рождённым ради него. Если бы он не передал ей технику и не пробудил её, Лин-эр никогда бы не постиг истинную суть защиты, — голос Императора оставался столь же холодным и безэмоциональным, как ледяная глыба, однако в момент совершения хода кончик его пальца едва заметно дрогнул.

Сразу после этого Император извлёк из широкого рукава угольно-черную фигуру, источавшую ауру увядания и тлена. Эта фишка олицетворяла тех бродячих практиков бывших эпох из мира смертных, чей срок жизни подходил к концу, но при этом они обладали колоссальной разрушительной силой, разбуженной Су Баем.

Он легко стукнул чёрной фигурой по углу доски, издав звонкий, раскатистый звук, полный зловещей убийственной ауры.

В бессмертном мире этот звук показался бы лишь лёгкой рябью, но в мире смертных он предвещал приближение кровавой бури.

— Всё началось.

Император медленно поднял голову, глядя в сторону далёких Южных Врат, туда, где раскинулась изгнанная им по собственной воле земная пыль. Глубоко в его жестоких глазах правителя таилась материнская или, скорее, отцовская нежность и беспомощность, непостижимые для простых смертных и даже для самого Цзю Сяньлина.

Это была суровость и надежда отца, который своими руками толкнул ребёнка в бездну лишь затем, чтобы посмотреть, вырастут ли у него крылья посреди этого падения.

— Лин-эр, если ты сумеешь разгадать эту партию, то обретешь истинный божественный сан и станешь хозяином доски. А если не сможешь разглядеть её суть...

Пальцы Небесного Императора легко коснулись двух тесно прижавшихся друг к другу крошечных узелков на доске, и его тихий голос прозвучал с отзвуком печали:

— Что ж, тогда проведите в том мире смертных, среди этих долгих и коротких ста лет, жизнь обычной пары. Это тоже последняя милость, дарованная тебе мной.

<http://bllate.org/book/22038/2291298>